

**Православие и культура.
Сборник религиозно-
философских статей.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П68

П68 Православие и культура. Сборник религиозно-философских статей. / – М.: Книга по Требованию, 2019. – 240 с.

ISBN 978-5-519-19809-7

Сборник религиозно-философских статей. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1923 г.

ISBN 978-5-519-19809-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Настоящій сборникъ статей на религіозно-философскія темы является первымъ въ серіи задуманныхъ нами къ изданію сборниковъ. При полномъ отсутствіи религіозно-философскихъ изданій, при сложности и напряженности внутренняго процесса, происходящаго въ русской душѣ, намъ хотѣлось дать мѣсто въ сборникахъ по возможности всему, что занимаетъ и волнуетъ русскихъ людей въ религіозномъ ихъ сознаніи. Этимъ опредѣлился планъ сборниковъ, — необходимость въ нихъ трехъ отдѣловъ: первый отдѣлъ посвященъ принципіальнымъ статьямъ, касающимся различныхъ проблемъ Православія и культуры; второй отдѣлъ касается проблемъ русской жизни, русскаго религіознаго процесса; наконецъ, послѣдній отдѣлъ посвященъ обзору и оцѣнкѣ книгъ религіозно-философскаго содержанія.

Намъ отчетливо видны расхожденія отдѣльныхъ авторовъ въ постановкѣ и рѣшеніи въ настоящемъ сборникѣ затронутыхъ ими вопросовъ, но мы и не стремились къ искусственному единству. Религіозно-философское возбужденіе въ русскомъ обществѣ иногда выходитъ далеко за предѣлы Православія, христіанства вообще, но мы не боимся этого, мы считаемъ не врагами, а друзьями своими тѣхъ, кто подлинно горитъ религіознымъ вдохновеніемъ, хотя бы оно искало своего средоточія не въ Православіи. Основная наша тема — проблема православной культуры, но тѣмъ дороже для насъ участіе въ сборникѣ тѣхъ, кто, не совпадая вполнѣ съ основнымъ тономъ, отозвался на нашъ призывъ и далъ свои статьи.

Настоящій сборникъ есть лишь первый опытъ отразить религіозныя исканія и размышленія, имѣющія мѣсто въ русскомъ обществѣ. Мы вѣримъ въ то, что такіе сборники нужны. Мы ищемъ друзей-читателей, и пусть ихъ снисхожденіе и внутреннее созвучіе восполняютъ то, чего имъ не хватаетъ въ сборникѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русскомъ обществѣ, въ русскомъ народѣ съ безспорной ясностью происходитъ поворотъ къ религіи. Глубокая трагедія, переживаемая Россіей, стоитъ въ своемъ неотвратимомъ ужасѣ передъ всѣми и передъ каждымъ — и неприложимы къ этой трагедіи обычныя историческія мѣрки, неразрѣшимы съ помощью индивидуальныхъ и даже историческихъ силъ трагическіе узлы, въ которыхъ сплелись неслыханныя страданія и безудержное буйство. Слабый человѣческій умъ отказывается понять и принять этотъ ужасъ. «Доколѣ, доколѣ, Господи?» шепчуть сомкнутыя страданіемъ уста, и кажется порой, что не перенесетъ сердце этого непрекращающагося ужаса. А перенести должно, жить нужно — не для себя, но для Россіи... Гдѣ же взять силъ, гдѣ найти точку опоры и источникъ жизни? Куда пойти съ измученнымъ сердцемъ и нарастающимъ охлажденіемъ души, — чтобы найти ласку и утѣшеніе, чтобы духовно обновиться и отвѣтить на торжество зла вѣрой въ добро и правду? Лишь тѣ, лишь тѣ, кто не угаситъ лампы передъ образомъ Добра, кто сохранитъ теплую вѣру въ Правду — смогутъ духовно уцѣлѣть и духовно обновить русскую жизнь. И въ глубокомъ сознаніи этого возвращается русская душа къ Богу, возвращается къ Церкви, молится и плачетъ и тѣмъ сбрасываетъ съ себя страшное навожденіе, арѣветъ и крѣпнетъ духовно.

Возвращается русская душа къ Богу, ибо сознала коренную неправду жизни, построенной не на началахъ христіанства; возвращается — для того, чтобы обновиться, найти новыя силы для жизни, но еще больше — движимая сознаніемъ, что лишь въ Богѣ и съ Богомъ — правда. Есть, есть не мало и въ наши дни узкаго религіознаго утилитаризма, ждущаго отъ Бога немедленнаго избавленія отъ бѣдъ, но сильнѣе, напряженнѣе звучитъ иносъ религіозное настроеніе — горькое, покаянное раздумье о прошлѣмъ, стремленіе осмыслить настоящее, исканіе лучшаго будущаго. Усталая, измученная и истерзанная, ищетъ душа наша въ Церкви ласки и утѣшенія, — и въ то же время и сама несетъ туда все лучшее, все нѣжное и глубокое, что въ ней сохранилось, Церкви

отдаетъ себя, въ нее вростаеь. Правды и добра ищеть нынѣ русская душа еще сосредоточеннѣе, еще напряженнѣе, чѣмъ раньше — и тянется она въ этомъ исканіи своемъ къ Церкви — къ «тихому свѣту» Христову, къ мудрости и радости Православія. Это движеніе душъ еще остается скрытымъ, кажется чисто индивидуальнымъ, интимнымъ, какъ бы не доростаеь до уровня «историческихъ» фактовъ, но въ дѣйствительности дѣло идетъ о глубокомъ переломѣ въ душѣ Россіи, передъ которой раскрываются новыя перспективы. Почти не слышать той новой музыки, которая уже звучитъ въ глубинѣ народнаго духа, но она уже звучитъ, разгорается и захватываетъ насъ помимо нашего сознанія. «Обращенія» къ Церкви умножаются, растутъ и проясняется религиозное сознаніе; не рабски склоняется подъ бременемъ креста своего непостижимаго Русь, но пріемлетъ его, въ духѣ своемъ, просвѣтляется въ страданіяхъ, — и не только слезы льетъ въ храмѣ, но и радостью о Господѣ свѣтится она; свѣтится и Церковь русская свѣтомъ притекающихъ къ ней. Пусть еще бушуетъ буря на равнинѣ русской, сѣя смерть и страданія, ожесточеніе и одичаніе — но сколько любви было явлено за это время, сколько вѣнцовъ мученическихъ возсіяло красотой невиданной, сколько безвѣстныхъ подвижниковъ, Богу лишь вѣдомыхъ праведниковъ явила Русь!

Откровеніе свыше дано намъ во всемъ, что мы нынѣ переживаемъ, и наша задача — осмыслить и осознать его. Мы стоимъ уже на порогѣ новой жизни, мы носимъ уже тайну ея въ сердцѣ своемъ, но чтобы пришла эта новая жизнь, чтобы въ творчествѣ нашемъ, въ дѣйствованіи отразилось то, что открылось уже сердцу нашему — нужно понять, нужно осмыслить переживанія наши. Если не поймемъ, мыслью не усвоимъ того, чѣмъ полно нынѣ сердце наше — бесплодно для насъ и для родины пройдетъ неповторимый нашъ опытъ. Не мысль намѣчаетъ пути жизни, но открываются они впервые сердцу; однако только то, что усвоено мыслью, что понятно и ясно формулировано ею, становится прочнымъ нашимъ достояніемъ, обладаетъ длительной исторической дѣйственностью. И если мы, свидѣтели и участники великаго крушенія родины, носимъ въ себѣ уже зачатки новыхъ силъ, приобретаемъ великаго откровенія, явленнаго на насъ и въ насъ, то найдется-ли въ насъ достаточно духовной силы, чтобы понять и вмѣстить великую мысль, великую идею, которую выдвигаетъ неизжитая еще историческая катастрофа? Религиозно-философское раздумье не сламъ ли намъ? Или, согнувшись подъ тяжестью небы-

валыхъ историческихъ испытаній, мы сойдемъ со сцены, не разглядѣвъ въ самихъ себѣ зари новой жизни и не оставивъ нашимъ преемникамъ ничего кромѣ безсильныхъ записей пережитого — безъ итоговъ, безъ новой творческой идеи? Гроза и буря еще длятся, ужасъ еще не кончился, силы такъ надломлены, что если въ сердцахъ нашихъ и открылась уже новая перспектива — умъ нашъ найдетъ ли силы и способность осмыслить то, что стало сердцу ясно?

Не знаемъ, не смѣемъ этого утверждать, но хотимъ служить этому. Хотимъ сказать то, что уже открылось намъ, хотимъ помочь другимъ въ ихъ религіозно-философскомъ раздумьи, направить ихъ мысль. Такъ много пишутъ, такъ много печатаютъ — не пора ли начать бесѣду о самомъ главномъ, о томъ, чѣмъ все держится, чѣмъ все свѣтится? Не пришла ли пора собирать крупицы религіозныхъ откровеній, струящихся въ насъ, не пришла ли пора показать плоды религіозныхъ вдохновеній, которыми все больше, все звучнѣе полнится русская душа? И не лежитъ ли этотъ долгъ прежде всего на насъ, живущихъ на чужбинѣ, согнувшихся отъ мучительнаго историческаго безсилія и вынужденнаго досуга? Пусть религіозный процессъ, происходящій въ насъ, слабѣе и блѣднѣе, чѣмъ тамъ на родинѣ, но и наши сердца переполнены, и въ насъ происходитъ глубокой внутренней переломъ . . .

Мы обращаемся къ тѣмъ, въ комъ началась уже духовная работа, чье сердце обратилось уже къ Церкви: мы идемъ во имя Православія. Для насъ Православіе и только оно сохранило въ полнотѣ и чистотѣ завѣты Христовы, пронесло сквозь вѣка ликъ Христовъ; только оно свободно отъ тѣхъ непоправимыхъ уже ошибокъ, которыя заслонили въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ правду Христову во всей ея полнотѣ. Православіе влечетъ къ себѣ души наши своей неотразимой красотой, своей глубиной и правдой, въ которой находятъ свое примиреніе всѣ раздробленные силы жизни, освящается и преображается все натуральное бытіе. Духовная цѣлостность и органическій синтезъ, пріятіе міра безъ отверженія какой либо стороны въ немъ, но съ тѣмъ большей силой выступающій замыселъ преображенія натурального порядка бытія въ благодатный, обращеніе къ свободѣ чловѣка и преодоленіе индивидуализма въ атмосферѣ соборности — всѣ эти черты Православія намъ стали особенно дороги и нужны въ жуткіе годы міроваго кризиса.

Не историческая инерція, а внутренняя правда Православія, духовная сила, ему присущая, неизъяснимая красота, имъ излу-

чаемая — опредѣляютъ обращеніе русской души къ Православію. Но тѣмъ болѣе дорого русской душѣ то, что Православіе образуетъ самую глубокую и продуктивную историческую силу русскаго народа: въ Церкви мы вступаемъ въ общеніе съ живымъ средоточіемъ русской силы, съ самымъ важнымъ нашимъ національнымъ достояніемъ. Нигдѣ и ни въ чемъ не чувствуемъ мы себя настолько русскими, какъ именно въ православномъ храмѣ; та духовная зрѣлость, которая создается въ русской душѣ въ итогѣ небывалыхъ испытаній, то ясное, спокойное и творческое сознаніе своей духовной самостоятельности и силы, которое закаляется въ насъ на фонѣ безмѣрнаго внѣшняго паденія и обнищанія — все это такъ глубоко, такъ интимно связано съ Православіемъ въ насъ!

Да, въ эту сторону глядитъ русская душа, въ православномъ храмѣ обновляется, зрѣетъ она. И именно потому такъ актуальна, такъ нужна эта тема — Православіе и культура: свѣтомъ Православія хотимъ освѣтить мы всю жизнь, опредѣлить все жизненное творчество. Православіе нынѣ открывается русской душѣ, какъ основа для построенія цѣлостной культуры, какъ единственная сила, способная обновить жизнь, примирить противорѣчія истории. Съ глубокой вѣрой въ творческія силы Православія, въ сознаніи правды и красоты его, хотимъ мы служить дѣлу обновленія русской жизни въ свѣтѣ Православія — и какъ радостно сознавать, что этимъ мы примыкаемъ къ самымъ глубокимъ, самымъ вдохновеннымъ вождямъ русскаго народа! Гоголь и Хомяковъ, Достоевскій и Федоровъ были первыми пророками православной культуры, — но идеаль ея смутно предносился и другимъ дѣятелямъ русской жизни. Намъ близки всѣ тѣ, кто искалъ цѣлостной культуры, социальной правды, выпрямленія человѣческаго духа во Христѣ, — ибо лишь въ системѣ Православія получаютъ свой настоящій смыслъ, открываются въ своей правдѣ, обрѣтаютъ свою силу эти стремленія. Для чуткаго уха слышна въ русской культурѣ музыка Православія и тамъ, гдѣ нѣтъ никакой внѣшней близости къ нему... Радостно сознавать это, радостно понимать, что всѣми своими устремленіями и предчувствіями шла и раньше русская культура къ тому, къ чему призываетъ насъ повелительно нынѣ жизнь. Черезъ страданія и буйство, черезъ страстные исканія и тихую покорность неисповѣдимой волѣ Всевышняго идетъ русская душа къ Церкви, неся ей все глубокое и нѣжное, все доброе и сильное...

Въ Церкви — сила, въ Церкви и радость; въ Церкви — правда, въ ней и счастье; — она есть все, она все вмѣщаетъ и

все освящаетъ, ничего не изгоняетъ, но все преобразаетъ. Пусть говорятъ, тѣ, кто не знаетъ или не хочетъ знать Православія, что оно враждебно культурѣ и чуждается жизни. Но мы, въ немъ живущіе, мы знаемъ, что это не такъ, знаемъ, что именно въ Православіи открывается возможность цѣлостной, органической культуры. Если Православіе было до нынѣ слишкомъ внутреннимъ, то не въ немъ, а въ насъ была причина того, что мало оно выявлялось въ внѣшнемъ историческомъ процессѣ — ибо лишь черезъ сердце человѣка, въ свободномъ актѣ его души внутреннее становится внѣшнимъ. Всякое иное историческое дѣйствованіе — не въ духѣ Христовомъ — и горе намъ, если мы это забудемъ. Пути теократіи были, быть можетъ, исторически неизбѣжны — не только въ силу дѣйствія исторической инерціи, но и потому, что соблазнъ внѣшняго построения Царства Божьяго долженъ быть пережить, чтобы быть преодолѣннымъ. Но Православіе всегда сознавало, что въ свободѣ и внутреннемъ порывѣ долженъ человѣкъ идти къ Царству Божію, не впадая въ историческій докетизмъ, не гнушаясь «плотью» исторіи, ея эмпириі, но и не подмѣняя внутренняго внѣшнимъ.

Сближеніе Православія и культуры, раскрытіе культурныхъ силъ Православія, осіяніе историческаго движенія свѣтомъ Православія — такова, по нашему убѣжденію, историческая тема нашей эпохи. Уясненію и выявленію этого да послужитъ настоящей первый сборникъ и да найдетъ онъ своего читателя, которому близки и нужны наши темы!

В. Зѣньковскій.

Существо русскаго православнаго сознанія

Начиная свой знаменитый трактатъ «Объ общественномъ договорѣ», Руссо предвидитъ вопросъ: «развѣ онъ государь или политическій дѣятель, если пишетъ о политикѣ?» «Я отвѣчаю», говоритъ онъ, «что нѣтъ, и что именно потому я и пишу о политикѣ. Будь я государемъ или законодателемъ, я не терялъ бы времени на то, чтобы говорить, что нужно дѣлать; я бы дѣлалъ это или молчалъ.» И онъ поясняетъ, что онъ пишетъ, какъ гражданинъ свободнаго государства, который имѣетъ голосъ въ общихъ дѣлахъ.

Подобнымъ же вопросомъ и подобнымъ же отвѣтомъ я могъ бы начать настоящую статью. Меня также могутъ спросить: почему это я, будучи ни духовнымъ лицомъ, ни богословомъ, беру съ говорить о богословскихъ предметахъ. И я отвѣчаю на это: если-бы я былъ духовнымъ лицомъ или богословомъ, я проповѣдывалъ бы и поучалъ; но будучи только сыномъ православной церкви, я хочу лишь уяснить и понять, въ чемъ существо той вѣры, которую я исповѣдую. Я хочу слѣдовать совѣту св. Ансельма: *credo ut intelligam* — я вѣрю для того, чтобы понимать, готовый, по его же наставленію, въ случаяхъ таинственности и непостижимости преклониться предъ высшей тайной. *Caput submittam!* — какъ говорилъ онъ.

Но не ждите отъ меня богословскихъ разсужденій или догматическихъ толкованій, какія могъ бы дать изощренный въ богословіи, хотя бы и свѣтскій ученый. Я избираю для себя задачу, гораздо болѣе скромную и болѣе для меня доступную. Вѣдь православіе, какъ и каждое другое религиозное исповѣданіе, являясь опредѣленной системой догматовъ и положеній вѣры, въ то же время есть и культурное творчество извѣстнаго народа. Поэтому и разсматривать его можно не только съ точки зрѣнія догматической и богословской, но и съ точки зрѣнія культурно-исторической и религиозно-философской. Конечно, между богословско-догматической стороной извѣстной религии и ея культурно-историческимъ выраженіемъ всегда существуетъ необходимое соотношение: догматы отражаются въ сознаніи и въ жизни. Но столь же несомнѣнно, что одна и та же религія и даже одно и то же религиозное исповѣданіе различными народами усваиваются различно. Подобно тому, какъ христіанство столь разнообразно воспринято разными народами,

такъ и православіе въ разныхъ мѣстахъ понимается различно. Православные не только русскіе, но и греки, и сербы, и болгары и румыны, и абиссинцы. Но когда мы ближе сходимся па церковной почвѣ съ нашими единовѣрцами, мы тотчасъ же непосредственно ощущаемъ разницу ихъ религіознаго сознанія и нашего. Очевидно, при единствѣ догматовъ можетъ быть различное усвоеніе ихъ, въ соотвѣтствіи съ различіемъ національныхъ характеровъ и культурныхъ типовъ. Подобно каждому другому народу и мы, русскіе, вносимъ въ пониманіе нашей вѣры особая національныя черты. Вотъ объ этомъ то русскомъ пониманіи православія я и хочу говорить въ настоящемъ очеркѣ. Но здѣсь съ самаго начала необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Если каждая форма религіознаго сознанія стремится быть близкой къ своему первоисточнику, то въ православіи это стремленіе проявляется съ особенной ясностью и настойчивостью. Русское православіе, сколько ни носитъ оно національный отпечатокъ, главную силу свою полагаетъ въ своей вѣрности Божественной своей первоосновѣ и первоначальнымъ апостольскимъ и святоотеческимъ ученіямъ. Оно полагаетъ, что существо его опредѣляется прежде всего его соотвѣтствіемъ съ его вѣчной и всеобщей основой и что самая цѣнная особенность русскаго религіознаго сознанія заключается именно въ томъ, что ему суждено было всего чище сохранить духъ Христова ученія. Въ этомъ смыслѣ надлежитъ понимать всѣ дальнѣйшія мои утвержденія. Если я говорю далѣе объ особенностяхъ русскаго православнаго сознанія, то центръ тяжести я полагаю не въ томъ, что это наше русское сознаніе, а въ томъ, что это — сознаніе, оставшееся въ нѣкоторомъ удивительномъ согласіи съ духомъ первоначальнаго христіанства.

Но какъ найти исходное начало для нашего разсмотрѣнія? Какъ опредѣлить тотъ основной принципъ, который православное сознаніе признаетъ самымъ главнымъ путемъ къ Богу и самымъ важнымъ залогомъ своего проявленія и утвержденія въ жизни? Мы прекрасно знаемъ, каковъ основной принципъ католичества и каковъ основной принципъ протестантства. Для католичества такимъ принципомъ является прежде всего авторитетъ церкви, какъ учрежденія; тутъ на первый планъ выдвигается организація, власть и дисциплина церкви, приѣмлющей на себя спасеніе людей. Самымъ характернымъ выраженіемъ этого принципа является идея теократіи. Это прежде всего юридическое пониманіе христіанства. Въ протестантскомъ сознаніи на первый планъ выдвигается принципъ свободы, принципъ личнаго непосредственнаго обращенія вѣ-

рующей души къ Богу. Творческимъ началомъ и религіозной жизни, и религіознаго сознанія является личность. Тутъ въ качествѣ главнаго пути религіознаго сознанія признается личная заслуга, личная отвѣтственность человѣка передъ Богомъ. Это по преимуществу этическое пониманіе христіанства.

Но каковъ основной принципъ православія? Хотя на это въ русской литературѣ давно уже данъ опредѣленный отвѣтъ, но этотъ отвѣтъ все еще не приобрѣлъ общаго признанія ни среди православныхъ, ни тѣмъ болѣе среди католиковъ и протестантовъ. И католики, и протестанты все еще смотрятъ на православіе сверху внизъ, какъ на нѣчто отсталое и несовершенное, и полагаютъ, что православная церковь нуждается въ извѣстномъ исправленіи, чтобы встать на настоящій путь. Для католичества это исправленіе должно состоять въ воссоединеніи съ единой истинной христіанской церковью, каковою является церковь католическая; для протестантизма оно должно выразиться въ реформации, т. е. въ обновленіи церковныхъ догматовъ и церковной жизни на основѣ свободнаго индивидуальнаго сознанія. Гдѣ у васъ организація и дисциплина, гдѣ практическое вліяніе на жизнь, спрашиваютъ у насъ католики. Гдѣ у васъ свободный научный духъ и сила нравственной проповѣди, спрашиваютъ протестанты. И приходится намъ признать, что нѣтъ у насъ ни католической дисциплины, ни протестантской свободы. Но что же у насъ есть и какой положительный принципъ можемъ мы указать, какъ самый, существенный по православному воззрѣнію и для устроенія жизни, и для утвержденія вѣры?

Я замѣтилъ выше, что этотъ принципъ уже давно установленъ въ нашей литературѣ: это принципъ *взаимной любви во Христѣ*. Согласно съ этимъ принципомъ, не то самое важное въ религіозной жизни, что она строится на авторитетѣ церковной организаціи, какъ говорятъ католики, и не то, что она утверждается на основѣ свободы, а то что она порождается благодатью всеобщей взаимной любви. И церковная организація, и свобода вѣрующаго сознанія необходимы по православному воззрѣнію для созданія религіозной жизни, но прежде ихъ для вѣрующихъ необходимъ духъ взаимной любви, единеніе во Христѣ. Ни организація церкви, ни свобода вѣрующаго сознанія не могутъ безъ этого получить правильнаго выраженія. Съ истинно религіозной точки зрѣнія они останутся безсильными и бесплодными, если не будутъ утверждаться, поддерживаться и восполняться даромъ взаимной любви, даромъ Божіей благодати. Это прежде всего и по преимуществу религіозно-мистическое пониманіе христіанства.

Въ этомъ русскомъ православномъ созерцаніи прежде всего характерно то, какъ воспринимается и оцѣнивается здѣсь начало любви. Во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ заповѣдь любви является основной и опредѣляющей, — безъ этого они и не были бы христіанскими. Но въ то время, какъ въ другихъ исповѣданіяхъ, особенно въ протестантскомъ, проявляется склонность придавать этой заповѣди скорѣе моральный характеръ, въ православіи она получаетъ подлинный религіозно-мистическій смыслъ. По православному сознанію любовь есть больше, чѣмъ обычное свойство нравственно-доброй человѣческой воли: любовь есть чудо. По удачному выраженію одного духовнаго проповѣдника, она или порождается продолжительнымъ воспитаніемъ въ себѣ чувства добра, или высѣкается страданіемъ, посѣщающимъ человѣка, или вымалывается у Бога молитвою. И въ качествѣ чуда, любовь въ этомъ смыслѣ и творитъ чудеса, и невозможное дѣлаетъ возможнымъ. И именно потому, что это не человѣческое лишь свойство, а даръ свыше, даръ Божіей милости. Это не просто любовь, а любовь во Христѣ, просвѣщенная и перерожденная соприсутствіемъ Божіей благодати.

Но когда православное ученіе говоритъ о любви, оно полагаетъ, что любовь въ этомъ высшемъ религіозно-мистическомъ смыслѣ, какъ любовь во Христѣ, носитъ въ себѣ силу безконечнаго распиренія: въ своемъ внутреннемъ идеальномъ существѣ и проявленіи это любовь взаимная и всеобщая, связующая человѣка невидимой связью со всѣмъ человѣчествомъ. Любовь во Христѣ имѣетъ это благодатное свойство возвышать отдѣльное человѣческое сознаніе отъ единичности, оторванности и обособленности къ соборности, цѣлостности и вселенскости. Всѣ эти понятія—любовь, соборность, цѣлостность, вселенскость — для православнаго пониманія однозначащи, каждое вытекаетъ изъ другого, и всѣ вмѣстѣ они содержатся въ понятіи любви во Христѣ.

Но всѣ эти понятія въ русскомъ православіи получаютъ еще и дальнѣйшее углубленіе въ направленіи связи и единства человѣчества. Благодатное творческое дѣйствіе любви проявляется также и въ томъ, что оно просвѣтляетъ человѣческое сознаніе чувствомъ всеобщей и всецѣлой взаимной отвѣтственности. Настоящая христіанская любовь приводитъ человѣка къ убѣжденію, что «всякій предъ всѣми, за всѣхъ и за все виноватъ». Это замѣчательное и глубокомысленное утвержденіе Достоевскаго какъ нельзя лучше раскрываетъ ту идею всеобщей солидарности и всеобщей отвѣтственности людей другъ за друга, которая такъ свойственна